

НЕ ТУЖИ ПО ВЧЕРАШНЕМУ

I

Поджав под себя ногу, как часто бывало в детстве, Дугин с удовольствием листал альбом с новогодними открытками. Свой самый любимый – 50-е годы прошлого века. И хотя в книжном шкафу, спрятавшись за собрание сочинений Достоевского, подальше от чужих глаз стояли альбомы с более раритетными почтовыми карточками, Николай Павлович предпочитал новогодние. С курносыми детишками, веселыми снеговиками, дедушками морозами и бороздящими небо звездолетами. Странное дело, но после того как ему стукнул полтинник, Дугин стал воспринимать эти потрепанные временем отголоски прошлого, как некую пуповину, связывающую его с детством. А детские воспоминания – самое дорогое, что у него есть.

Под грузом прожитых лет Дугин все чаще вспоминал, как в пятилетнем возрасте он ходил с бабушкой покупать новогодние открытки. Продавались они на Московском вокзале, в почтовом киоске вместе с газетами и журналами. По нынешним меркам дорога от дома до железнодорожного вокзала заняла бы минут двадцать, не больше, а тогда, казалось, полдня.

Сначала они с бабушкой шли мимо выщербленного здания пожарного депо с открытыми нараспашку воротами. Околдованный пожарной техникой, маленький Коля буквально выворачивал голову, не в силах оторвать взгляд от красных машин. Дома, под кроватью, как бы в гараже у него тоже стояла пожарная машина, правда, игрушечная. И не заводная. Зато с поднимающейся лестницей. На эту лестницу он усаживал двух пластмассовых медвежат и резинового зайца – всю свою пожарную команду и, завывая сиреной, возил по комнате.

Клуб паровозоремонтного завода, мимо которого они шли, зафиксировался в памяти столпотворением детишек возле новогодней елки и бумажным кулком конфет от Дедушки Мороза. Он боялся выронить полученный подарок и крепко прижимал его к груди. А рядом, словно снежный вихрь неся хоровод из сцепившихся за руки школьников в масках и карнавальных костюмах. Они то скакали, как трусишка заяка серенький, то изображали бегущего рысцой волка, кружились, как снежинки, громко топали и в ладоши звонко хлопали. Где-то под елкой, сидя на табуретке, лихо играл одноногий баянист-фронтвик. Рвались бумажные хлопушки. Сыпалось разноцветное конфетти. А на площади перед клубом стоял железобетонный Ленин. Вскинутой, как стрела подъемного крана рукой он указывал путь в коммунизм! Точнее сказать, на железнодорожный вокзал. Осмотревшись по сторонам, Коля с бабушкой переходили запорошенные снегом трамвайные пути, и двигались туда, куда их направлял вождь мирового пролетариата.

Многие дорогие сердцу детали уже стерлись, как карандашные записи полувековой давности. И как бы Дугин ни напрягал память, он все равно не мог вспомнить, как выглядел тот волшебный киоск, где сбывались детские мечты. И сам вокзал – деревянный барак с сидящими и лежащими на лавках,

а то и прямо на полу пассажирами представлял весьма смутно. Хотя, что удивляться, если он с большим трудом находил в колодце памяти железную громадину стоящего под парами паровоза. А ведь были, точно были и паровоз с красной звездой на черной груди, и большие зеленые вагоны первых послевоенных лет, и неровный дощатый перрон. Все позабылось, все стерлось... Но как спешно он снимал вязанные рукавички, чтобы поскорее взять купленную бабушкой открытку, помнит. И открытку тоже помнит: на ней был нарисован Буратино в красном костюме и сделанном из бумаги полосатом колпаке. В одной руке Буратино нес елку, другой держал за лапу плюшевого медвежонка. Впереди сказочных героев летел маленький птенчик, а вслед смотрели две белочки.

Чувство радости еще долго переполняло Колю, пока он открывал дома коробку из-под печенья с нарисованным Стариком Хоттабычем, где хранил свои сокровища. А потом, убедившись, что все на месте, ничего не пропало, так же заботливо складывал открытки обратно. Как все-таки немного надо маленькому, неизбалованному игрушками человечку для полного счастья!

Сегодня у Николая Павловича собраны все до одной новогодней открытки тех лет. А Буратино с медвежонком художника Ильина даже в двух вариантах, 1960 и 1961 годов выпуска. Эту коллекцию он собирал четверть века. Сначала ненавязчиво выпрашивал у родных и знакомых. Потом активно выменивал и покупал у друзей-филокартистов. А последние годы приобретает на интернетовском аукционе «Молоток», где за деньги можно даже черта рогатого купить. И на открытках, и на почтовых марках. Стоит только захотеть.

Конечно, делать покупки по электронной почте – дело хлопотное. Деньги в компьютер не засунешь. А чтобы отправить электронный перевод, нужно идти в отделение почтовой связи, где всегда жуткие очереди. Небольшую сумму, с согласия продавца, можно, конечно, закинуть ему на мобильник. Но недели через две-три все равно придется идти на почту за заказным письмом и отстоять еще одну очередь. Иногда на «Молотке» встречаются ну очень редкие открытки. И тогда за них, как на любом аукционе начинается маленькая драка: кто больше заплатит, тот и победит. И все равно нет большой гарантии, что оплаченная открытка не окажется подрезанной, надломленной или с затертой чернильной кляксой. Поэтому дорогие открытки Дугин через Интернет старался не покупать.

Как ни странно, но каждая новогодняя открытка до сих пор пробуждает в нем вихрь детских воспоминаний. Нечто подобное он ощущал, глядя в детский калейдоскоп, где, казалось бы, все складывающиеся узоры очень похожи, а на самом деле нет ни одного одинакового! Мужики на работе смеются: «Под старость Палыч в детство впал!» Так оно и есть. Старый, что малый: в пятьдесят лет в коллекционеры записался. Как там, в песенке поется: «Кто не знает в нашей школе удивительного Колю? Он не просто пионер - Коля – коллекционер!» А Дугин почти пенсионер.

О своем промчавшемся, как птица-тройка жизненном полтиннике и былом богатырском здоровье у Николая Павловича остались одни воспоминания. Не

зря жена говорит, что если на шестом десятке у человека ничего не болит, это – покойник. Добрая, умеет успокоить без лекарств.

II

Катерину послушаешь, так лучше живым в могилу лечь! С утра до вечера одно и то же: водку не пей, табак не кури, от сладкого и соленого откажись! Он уже по горло сыт чужими советами. Сейчас, так и отказался от всего!

Но это были еще цветочки. Ягодки начинались по выходным, когда Дугин садился с Катей обедать. Тут уж домашний доктор не замолкал ни на минуту! Вареная колбаса и сдоба грозят избыточным весом! От сливочного масла поднимается уровень холестерина. Майонез для диабетиков – все равно, что нож в спину. Соленые закуски обостряют заболевание предстательной железы... Причем, при сахарном диабете гороху и фасоли - зеленый свет, а при заболеваниях предстательной железы - красный!

По Катиным рекомендациям нужно питаться только свежими овощами, да и то без соли. Сама сидит на кремлевской диете и лекарствах, и других старается подсадить. Горсть таблеток на ночь, утром горсть, с работы придет – снова горсть, и все равно квохчет, как не топтаная курица. Спать, словно больная на голову, ложится на спину – и храпит. И ладно бы тихонечко себе похрапывала, так чуть ли не пузыри изо рта пускает. Естественно, до тех пор, пока Дугин ее в бок локтем не шархнет. Не понимает, что другим тоже спать хочется.

Превратила квартиру в лазарет: в мебельной стенке гора лекарственных упаковок, на кухне – таблетки, в ванной – пузырьки и тюбики мазей – дышать нечем. Своим гуру на пути к оздоровлению Катя считает Геннадия Петровича Малахова (того самого, что от всех болезней советует пить собственную урину). Кирпичами написанных им книг и справочников забита добрая половина книжного шкафа. А во время телешоу «Малахов +» Катерину от телевизора трактором не оторвешь. Ее советов хватит на все случаи жизни – к врачам не ходи. Все популярно объяснит, все растолкует – Гиппократ отдыхает.

Вот только, если собрать все Катины болячки на одной чаше весов, а его, Дугина, положить на другую, то чаша жены все равно перетянет. Факт! Дело в том, что Николай Павлович по молодости лет только одно единственное лекарство признавал – водку. До еды, после еды и вместо еды. Это в последние годы он стал себя ограничивать в спиртном. Две-три стопки – и в люльку. На диван, поближе к телевизору. Поломалось что-то внутри, поизносилось, как старинные часы, стало давать сбой. То суставы заломит в непогоду, как будто его на дыбу вздернули. То поджелудочная железа, учуяв аромат соленого огурца, ночью факс пришлет. То вообще всего скрутит в морской узел, что неделю не размотаешь. Не удивительно, что участковый терапевт недавно нашла в его анализах повышенный сахар и холестерин – первые предвестники сердечнососудистых заболеваний!

Это по молодости лет Дугин не знал, где у него какой орган находится, и какую функцию выполняет. Ел и пил все, что под руку попадало. Первые

зеленые огурцы молотил прямо с грядки немытые. Сорвет, поплюет, вытрет об рубашку – и в рот. Зеленый лук обломает – и туда же. Крыжовник, черную смородину, малину – только кусты трещат! Самые вкусные яблоки, естественно, из соседского сада! Порой еще совсем зеленые, что называется, вырви глаз, а уже никакого терпения нет – надо лезть.

От выпивки никогда не отказывался. Особенно, в хорошей компании, да еще с доброй закуской. Сам не лез, не напрашивался, упаси Бог – не было такого в его характере. А угощали – не ломался, запросто, в порядке вещей принимал на грудь стакан, а то и два. Как писал Гоголь, какой русский не любит быстрой езды? А скажите, какой русский не любит выпить за чужой счет? Не знал Дугин таких русских.

На угощения приятелей Дугин отвечал тем же. После работы, да что скрывать, и во время работы без лишних уговоров, скидывался по рублю. А, спаяв, на правах самого молодого, бежал в магазин за бутылкой и плавлеными сырками на закуску. Норма выпивки у него всегда была своя, дугинская, унаследованная от отца: упал – норма.

Помучилась тогда с ним Катерина. И возле дома едва живого из сугроба вытаскивала, и на автобусной остановке подбирала, и из гостей совершенно никакого уводила. А теперь, видно, за все бывшее терпение решила его доставать. Каждый день к чему-нибудь цепляется: то он тарелку после себя не вымыл, то крошки со стола не убрал, то носки не там бросил. Хорошо еще, что у них выходные не совпадают, а то хоть вешайся!

III

В дверь постучали. Громко, требовательно.

«Звонок, что ли, не работает? - подумал Дугин. – Может, электричество отключили?» Он прильнул к дверному глазку – на лестничной площадке стоял грязный мужик неопределенного возраста.

- Кто там? – спросил Дугин.

- Сто грамм! – ответил незнакомец.

Николая Павловича окатило ледящим холодком тревоги. Так случалось в самолете, когда лайнер начинал снижение высоты. Пассажиры осознают, что ничего страшного не произойдет, но, поддаваясь инстинкту самосохранения, остервенело, впиваются пальцами в подлокотники кресел.

«Видно, и в самом деле старею. Скоро буду каждого шороха пугаться! – справился с волнением Дугин. - Как там говорится? Мой дом – моя крепость!»

- Чего надо? Чего стучишь, спрашиваю?

- Открой!

На кухне засвистел чайник. Дугин машинально выключил газ, достал коробку «Принцессы Гиты», и, засыпая чай в заварочный чайник, почувствовал, как дрожит рука. Черные гранулы рассыпалась по газовой плите и по полу – подумал: «Катя придет, опять будет ругаться».

Крадучись, Дугин вернулся в прихожую и, надеясь, что мужик ушел, глянул в дверной глазок. Незнакомец стоял, как Каменный Гость. Странно! Другие из категории тех, что ходят по подъездам – цыгане, погорельцы,

беженцы, бомжи разные, когда им не открывают – начинают звонить соседям. А этот баран, как стоял, так и стоит!

В школьную пору от встречи с уличной шпаной сердце у Дугина уходило в пятки, а спина покрывалась холодным потом. Вот и сейчас его навестили давно забытые ощущения. Чтобы успокоиться, он взял в руки лентяйку телевизора. По второму каналу шла «Дежурная часть»: Татьяна Петрова рассказывала о мошеннице, которая под видом социального работника приходила в квартиры одиноких стариков, и предлагала им обменять деньги. В телевизоре все было ясно и понятно. А чего хотел тяжело сопевший за дверью мужик – оставалось загадкой.

- Открой!

- Я вот сейчас в милицию позвоню! – брал на испуг Дугин. – Менты приедут – мало не покажется!

«Вот дожили! Среди белого дня в квартиру, как к себе домой ломаются. Открой ему... А дальше что? Молотком по тылке – и вспоминай, как звали», - рассуждал Дугин.

Каждое утро их подъезд превращался в помойку. На ступеньках стояли ряды пивных бутылок, валялись вывернутые пакеты после хлебных сухариков, шелуха от семечек. Стены и пол заплеваны. А однажды на подоконнике лежал использованный шприц, тонкий, пластмассовый, с кровью, как будто к ним наркоманы прописались. Ничего удивительного. В соседних подъездах на дверях кодовые замки, домофоны, а у них ни того, ни другого – проходной двор: заходи все, кому не лень! Школьники в подъезде не живут, а стены разрисованы сердечками с любовными признаниями. Газеты в почтовых ящиках кто-то жжет. Лампочки выворачивает. У батареи под лестницей малую нужду справляют.

Минут десять прошло, а незнакомец не уходил.

Чего спрашивается, надо человеку? По ушам? По рогам? Как там еще говорят в подобных ситуациях? Хотя вдруг он сам стоит и ждет - не дождется, когда ему откроют, чтобы тебе дать по ушам? Аккуратно завернутым в газету газовым ключом! Для третьей группы инвалидности вполне достаточно. Потом смотри на свою обчищенную квартиру по телевизору в «криминальной хронике». Недавно по «ящику» как раз был сюжет про ограбленного в собственном подъезде пенсионера. Трех ступенек дедок до квартиры не дотянул! Эксперты насчитали на его голове шесть колото-рубленых ранений. За двести тридцать рублей пенсионера арматурным прутом ухайдакали!

Вооружившись большим кухонным ножом, Дугин решил все же разобраться с непрошеным гостем. «В таких делах главное быстрота и натиск!» - ободрял он себя. Неслышно повернул ключ и резко толкнул дверь. Высокий, грязный бомж стоял, как призрак отца Гамлета. Морда корявая, небритая, с заплывшей кровавым пузырем нижней губой. Колючие глаза смотрели затравленно и злобно.

- Пошел отсюда! – не узнавая собственного голоса, заорал Дугин и резко толкнул незнакомца. – Чтоб я тебя здесь больше не видел!

Бомжу этого хватило. Стоя на краю лестницы, он потерял равновесие и загремел вниз по ступенькам.

- Еще раз увижу – убью! – напутствовал Дугин.

Запер дверь. Сел в кресло, взял в руки альбом, но сосредоточиться не мог – открытки уже не радовали. Перед глазами маячил бомж. Рухнув вниз, он, видно, так крепко приложился головой о стену, что застыл без движения. Нехорошо получилось. Может, «скорую» вызвать? Человек все-таки.

Николай Павлович выглянул в подъезд – никого. Только валяющиеся на ступеньках дырявые перчатки и грязная тряпка, служившая бездомному носовым платком, напоминали о его недавнем визите. Дугин прислушался. По хриплому, как у больных туберкулезом, дыханию он догадался, что бомж поднялся на площадку пятого этажа. Живой. И, слава Богу. Сам напросился. Раз сказали, уходи, два сказали - делай вывод. Времена нынче крутые – третий раз не повторяют.

Жена открыла дверь своим ключом. Щелкнула в прихожей выключателем, позвала:

- Коля, ты дома?

- Дома, дома, - отозвался Николай Павлович.

Его подмывало поделиться с Катей впечатлениями от общения с бомжом.

Так в детстве, классе в четвертом или пятом, вернувшись из школы, он не мог удержаться, чтобы не поделиться с матерью своими стычками с одноклассниками. Понимал, что кроме переживания и тревоги это ей ничего не добавит. Из-за семейной неустроенности она и так напоминала оголенный провод, но не мог себя побороть, чтобы промолчать.

Начинал рассказ с самого безобидного, с того, как неделю назад Серега Беляков попросил у него в буфете две копейки и до сих пор не отдает. А Паша Круглый, сидящий сзади, на уроке литературы приклеил ему на спину бумажку со словом «пингвин». Они как раз изучали Горького, «Буревестник»: «жирный пингвин робко прячет тело жирное в утесах...» Круглый демонстративно поплевал на листок и шлепком прилепил его Коле. И за ним пристало прозвище – Пингвин.

Дугин видел, как темнеет у матери лицо, как нервно она сжимает губы, но прекратить свой похожий на пытку монолог никак не мог. Вспоминал, что на последней перемене второгодник Валерка Гадилов, которого в школе звали не иначе как Гадиш, выворачивал ему руку. Гадиш поймал его возле туалета, затащил под лестницу и издевался до звонка на урок. Было очень больно, но он не просил пощады. А Гадиш смеялся и заворачивал его руку под самую лопатку. У школьной формы даже оторвались две пуговицы.

И уже не какой-то там Гадиш, а сам Дугин, словно садист, протягивал матери оторванные пуговицы и виновато просил: «Мам, пришей, пожалуйста». И мать не выдерживала, взрывалась, как мина замедленного действия: «Я вот завтра приду в школу, и так заверну этому Гадишу руку, что он на всю жизнь запомнит! - кричала она. И желваки жутко ходили у нее на лице. – А не поймет – в детскую комнату милиции отведу! Там на него найдут управу! И с Круглым твоим поговорю! Чтобы не смел дотрагиваться!»

Не в силах удержать слезы, мама закрывала глаза рукой и только тихо всхлипывала: «Тоже взяли моду над слабыми издеваться. Не школа, а тюрьма! И куда только завуч и учителя смотрят? А ты тоже не бойся никого, давай отпор. Повернись да как пни этого Гадиша в причинное место! Будь у тебя отец, он бы тебя научил приемчикам, чтобы за себя постоять». Мама успокаивалась. И Дугину тоже становилось легче, потому что он выговорился, переложил тяжесть переживаний на ее плечи. И самые нестерпимые обиды забывались, словно пустяки. На всякий случай утром он просил маму не ходить в школу. И она не ходила.

IV

Сегодня Дугину хотелось поскорее поделиться недавними событиями с Катей, но у Кати были свои проблемы, свои заботы.

- Ты представляешь, полчаса трамвая не было! – не дожидаясь особого приглашения, заговорила она. – Народу на остановке, как после футбольного матча! Потом приполз один вагон, да и тот мимо нас, как говорится, с песнями в парк. Дождалась следующего. А он, представляешь, битком! Думаю, ну все – следующий буду брать штурмом, как Иван Грозный – Казань, иначе околею. С превеликим трудом влезла (видно, сжалился надо мной Господь), но час от часу нелегче. Прижали меня к какому-то старикашке, что у окна сидел. А от него, извини, такое амбре, что силосная яма парфюмерной фабрикой покажется. Две остановки народ его без противогозов терпел, а потом какой-то парень, дай ему Бог, чего хочется, сказал: «Эй, товарищ, тебе на выход!» И сказал-то тихонько, а старика, как ветром сдуло. Выскочил со всеми своими пожитками, только сырой след, зараза, после себя на сиденье оставил. Обделался, видно, со страху. А может, недержание, в таком возрасте частенько бывает. Так никто и не сел. - Катя стояла в надвинутой на лоб кожаной кепке, с шубой в руках, раскрасневшаяся с мороза и решительная, как боярыня Морозова. - Вот дожили!

- Ко мне сегодня тоже бомж ломился, - воспользовавшись паузой, вставил Дугин. – Все кричал: открой да открой... Я ему и открыл по рогам...

- А я, думаю, чьи это перчатки на лестничной площадке валяются? Подняла, на подоконник положила... Знала бы, что бомжа, так и руки марать не стала...

Жена, не разуваясь, прошмыгнула в ванную, открыла воду.

- Ты бы это... отнесла перчатки-то ему на пятый этаж, а потом и руки мыла, - поддел Николай Павлович.

- А разве ты его не вышвырнул на улицу? – удивилась Катя.

- Сама говоришь, что чуть не околела, пока трамвая ждала. Хороший хозяин в такой мороз собаку на улицу не выгонит, а ты человека хочешь вышвырнуть.

- Тогда в чем же дело? Пустил бы его домой, когда он стучал! – отреагировала супруга. – Накормил, напоил да и спать уложил, добросердечный ты наш! А подумал бы своей головой, что у Светки сегодня занятия в университете в восемь вечера заканчиваются. Пока она до дому

доберется – уже девять. А подъезд бомж оккупировал – папа у нас такой добрый, что всем готов крышу над головой предоставить. С родной дочери такие вот бомжи могут в подъезде шапку норковую снять, сотовый телефон отобрать, золотые сережки с ушами оторвут – а ему хоть бы хны. Он у нас гуманист. Как этот, как его?.. Эразм Роттердамский.

- Вон ты еще кого знаешь! – ему бы ее печали.

- Знаю, не то, что некоторые. Проходили в институте.

Со Светкой ничего страшного не случилось. Подходя к дому, она звякнула с мобильного, и Дугин встретил ее возле подъезда. Пугать дочку бомжами не стал. Не хватало еще, чтобы притихшая у телевизора супруга снова разразилась потоком нравоучений! Ведь договорилась, дура, до того, что стала настаивать, чтобы он сменил в квартире дверной замок. Зачем, спрашивается? Ладно бы этот бомж поковырялся в замке или кто-нибудь из домашних ключ потерял. «Меняй замок!» Простота! Как будто это лампочку в коридоре ввернуть. Да еще что-то про маргинальный склад ума говорила, про мстительность бомжей. Мол, смотри, когда в подъездходишь, а то дадут по затылку ломиком. Типун ей на язык.

И все же соответствующие выводы для себя Дугин сделал. Дверь в подъезд стал открывать резко, чтобы застать того, кто спрятался в темном тамбуре, врасплах. В карман куртки положил замотанное в тряпку шило – на всякий случай. По молодости лет где-то в конце шестидесятых ему довелось увидеть этот сапожнический инструмент в деле. Парни, живущие с ним в одном дворе, пристали к только что откинувшемуся с зоны соседу и, пользуясь численным преимуществом, настучали татуированному по ушам. А тот сбегал в сарай за шилом – и сходу воткнул двадцатисантиметровое жало Кольке Савельеву под ребро. Бедняга так и не понял ничего: крови мало, а боль запредельная – чуть не загнулся.

Пересчитывая утром лестничные ступеньки, Николай Павлович интуитивно сжимал в кармане шило. Но нападать на него никто не собирался – долговязый незнакомец, свернувшись калачиком, безмятежно посапывал возле батареи отопления. И ладно бы только ночевал, так этот гаденыш оказался хуже животного: где спал, там и ссал, лень было на улицу выскочить. Сколько раз Дугина подмывало взять его шиворот и, как нагадившего котенка вышвырнуть на мороз. Но соседи, словно воды в рот набрали, и втихую подкармливали тунеядца щами и кашей. Николаю Павловичу выходило больше всех надо – нашли зверя. Пусть живет вместо сторожа. Человек – звучит гордо!

Вот только закавыка, что рассуждали так далеко не все. Подполковник запаса Мирон Иванович Боткин – для своих шестидесяти пяти вполне завидный мужчина с внешностью гоголевского городничего – сказал, как шашкой рубанул:

- Гоните его в шею, пока он какой-нибудь заразы не приташил!

- Жалко...

- Нашли, кого жалеть! – Мирон Иванович любил говорить афоризмами. Правда, не всегда к месту. – Жалел волк кобылу – оставил хвост да гриву! Из-

за таких вот бродяг, что дохнут от водки, как мухи, у нас в стране и средняя продолжительность жизни низкая. Мыслимое ли дело: мужики до пенсии не доживают! Развели обормотов! Учиться не хотят, работать не умеют, семью содержать не могут, только пьют да тащат все, что плохо лежит. Я в его годы батальоном командовал! А этот прощельга всю жизнь на шее у матери сидел! Мать померла – за два месяца все, что было годами нажито, спустил. И квартиру, гад, пропил. Вы, Николай Павлович, знаете какое у него прозвище?

- Откуда.

- Сто грамм! Представляете! Раньше увидит, как мужики во дворе выпивают – и тут как тут: «Плесните сто грамм!» И стоит, в рот смотрит: «Ну, плесните сто грамм!» А у самого слюна, как у собаки Павлова. Поначалу мужики и в самом деле оставляли на дне бутылки то вина, то пива – мало ли, может, ломает человека с похмелья? А то и для куража позовут: «Эй, Сто грамм! Давай к нам!» Но видят, что проку от него, как от козла молока – стали гонять. Не понимает – по харе ему, чтобы не маячил перед глазами! Быстро перевоспитали. А кличка «Сто грамм» так и приклеилась. Сейчас уж, наверное, он и сам не помнит, как его раньше звали. Сто грамм! При его растительном образе жизни он и говорить-то, наверное, скоро разучится.

Закончив речь, Мирон Иванович важно откланялся и с чувством достоинства неспешно прошествовал к своему кооперативному дому. И в эту минуту, казалось, ничто на свете не могло ему помешать. Ни разыгравшаяся к вечеру метель, ни пьяная компания на углу, ни летящий навстречу джип. С военной пенсией в десять тысяч и иконостасом юбилейных медалей на висящем в шифоньере кителе, ветеран вооруженных сил Боткин шагал по жизни победителем. И свято верил, что нет на свете таких редутов, которые нельзя преодолеть.

V

Ночью, где-то в половине третьего Николаю Павловичу стало худо. Обычно так случалось после большого перепоя. На лбу выступал холодный пот, начинался озноб, тело становилось вялым, как картофельный плетень, мутило. Тогда он мешком скатывался на пол и на карачках полз в туалет, где в обнимку с унитазом постепенно приходил в себя. Спасали два пальца в рот и чай с лимоном. А тут завернуло так, что не вздохнуть – не пикнуть. От нестерпимой боли в низу живота глаза, казалось, вылезут на лоб.

«Аппендицит, перитонит, прободная язва?» – теряясь в догадках, Дугин стал будить жену:

- Кать, чего-то мне совсем плохо...

- Пил? – включив ночник, морализировала жена. – Шестой десяток мужику, а как мальчишка, в вине меры не знает! Чего пил-то?

- Да хватит тебе со своим «пил» - «не пил», - скорчившись в три погибели, оборвал Дугин.

- А я тебе, чем помогу? Разве что в «скорую» позвоню...

- Звони! – словно спущенный шарик хрипел Николай Павлович.

- И чего я им скажу? – боясь подходить к телефону, пыталась жена. – Выпей вон таблетку анальгина – может, полегчает?

- Неотложку вызывай! – жадно глотая ртом воздух, как будто с каждым глотком его становилось в комнате все меньше и меньше, заорал Дугин.

«Скорая» приехала минут через сорок. Но Николаю Павловичу показалось, что она ехала год. За это время он успел вспомнить всю жизнь, дважды с ней попрощаться, прошептать молитву, поцеловать золотой крестик, что болтался на шее, и проглотить горсть таблеток. Что помогло: молитва, крест или таблетки – непонятно, но боль отпустила.

Дугин разогнулся, спустил ноги на пол, в раздумье сел, пожалел себя и стал медленно собираться в больницу. Чего там внутри сломалось, снаружи не видать. Поджелудочная уже давно шалит, иногда печень побаливает, после острой пищи в почках словно камень, на левый бок не повернешься. А с недавних пор по ночам, особенно, когда понервничаешь, еще и желудок стал ныть, словно его лопатой поковыряли! Не приведи Господь прободная язва?! В таких ситуациях все решают считанные минуты: успеешь на операционный стол, считай, в рубашке родился, не успеешь – изволь примерить деревянный бушлат.

Кряхтя и вытирая со лба пот, Дугин облачился в пахнущий нафталином спортивный костюм, бросил в сумку две пары чистых носков, шлепанцы, зубную щетку и пасту. Катя сложила в полиэтиленовый пакет комплект постельного белья, полотенце – в больницу, говорят, теперь ничего нет. Надо ложиться со всем своим.

В ожидании «скорой помощи» супруги сидели на застеленной покрывалом постели, словно чужие. Николай Павлович, опустив веки и тяжело сопя, как бы прощался с домом. А Катерина, боясь пропустить что-то важное или сделать что-нибудь не так, вслушивалась в его неровное дыхание. И только глядя на них со стороны, могло показаться, что присели они, еще не совсем старые, но и не молодые люди, как бы перед дальней дорогой, грозящей им неизвестностью. Хотя чем поездка в больницу нынче не дальняя дорога, отправляясь в которую, не знаешь, выберешься назад или останешься там навсегда?

Сухощавый, с испитым лицом фельдшер, скорее всего добывающий до пенсии последние деньки, вел себя бесцеремонно. По-хозяйски, не снимая обувь, прошел в комнату, грохнул свой походный чемоданчик на полированный стол, спросил:

- Ну, кто тут у нас больной?

- Я, - как в армии привстал Дугин.

- Что случилось?

- Да вот живот рвет на части... Может, прободная язва?..

- Ишь ты, - раскладывая аппарат для измерения давления, усмехнулся фельдшер. – Да если бы произошло прободение язвы, то вы, мил человек, сейчас уже не то, что говорить, пошевелить языком не смогли. Давайте-ка лучше давление смерим.

- А как же «кинжальная» боль по всему животу?

- Чувствую, что «Справочник фельдшера» стал у вас настольной книгой, - улыбнулся белый халат. – Ладно, какие еще симптомы? Сухость языка? Рвота? Тахикардия?

- Не знаю, - обиделся Дугин, и как подобает больному, принял страдальческое выражение лица.

- Тогда собирайтесь в больницу, - закончил осмотр фельдшер.

- Что-нибудь серьезное? – спохватилась Катя.

- Серьезнее не бывает, - огрызнулся Николай Павлович и окинул квартиру прощальным взглядом. Так, наверное, смотрят приговоренные к смертной казни и раковые больные. На глазах у него навернулись слезы, и чтобы окончательно не расплакаться, он засуетился с сумками. – Кажись, ничего не забыл?

Возле подъезда в свете единственного на весь двор фонаря стояла под парами машина «скорой». Впритык к крыльцу, чтобы в случае необходимости сразу же выкатить носилки. Но больной полез в ее металлическое нутро своими ногами.

Аккуратно вырвав со двора, водитель включил проблесковые маячки и, озаря встречные машины голубым светом, понесся к центру города. Хотя этого совершенно и не требовалось, время от времени он зачем-то включал сирену – и от ее завывания Дугину становилось совсем невмоготу. Уж лучше, чем так доставать человека, везли бы сразу на кладбище. Но его мнением никто не интересовался. Зачем? Система неотложной медицинской помощи работала по накатанной колее, где на каждый случай имелись свои, утвержденные свыше инструкции.

В приемном покое Дугин, тяжело дыша, снял пальто и без приглашения сел на покрытую оранжевой клеенкой кушетку. Боль в животе благодаря анальгину отступила, но слабость в теле все равно не давала шансов на облегчение. И пока он, смирившись со своей долей, покорно сидел в ожидании врача, суровая с виду медсестра заполняла необходимые бумаги, спрашивала фамилию, имя, отчество, год рождения, место работы... Странно, но, если бы он находился без сознания, то ничего этого было бы не нужно – включилась бы, наверное, совсем другая схема. С носилками, реанимацией, искусственной вентиляцией легких...

Минут через пять, словно с другой планеты, а на самом деле всего лишь с другого этажа, явилась усталая, похожая на камбалу докторша. Она слушала его стетоскопом, укладывала на кушетку, мяла и давила живот, допытывалась о жалобах и все что-то писала и писала в больничной карточке, словно собиралась за один прием исписать ее до конца. Покончив с бумаготворчеством, она повела его по выложенному плиткой, гулкому, как бомбоубежище коридору. Они поднялись по старинной, пожалуй, еще дореволюционной лестнице на второй этаж.

Докторша впереди, Дугин сзади, уже переодетый в спортивный костюм и тапочки. С двумя нелепыми тряпичными сумками в руках. Всю дорогу он шел в ожидании встречи с хирургическим отделением, где вот-вот должна решиться его судьба. Но Камбала почему-то привела его в терапевтическое.

Он еще подумал, что, может быть, она ошиблась, но над стеклянными дверями было большими буквами написано: «ТЕРО».

В душной, переполненной больничными запахами палате, куда его препроводила постовая медсестра, все койки, за исключением двух, оказались заняты – он шагнул к крайней, свободной. Не глядя, застелил своим постельным бельем, лег. Утро вечера мудреней!

Теперь он, казалось, был в полной безопасности, но только безопасности этой он ничуть не ощущал. Скорее наоборот, лежа на домашней, из ивановской бязи простыне, он вдруг почувствовал свою незащищенность перед лицом смерти. Такое с ним было в школе, когда учительница притащила на урок человеческий скелет. Кто-то смеялся, шутил, а Коля, вглядываясь в пустые глазницы пластмассового черепа, с ужасом осознал, что когда-то и от него останется такой же вот череп. И как бы он ни хотел, каких бы богов ни просил, пробьет последний час – и его не станет. Никогда!

Давний детский страх парализовал Николая Павловича так, что ему стало лень шевелиться. Да, конечно, умереть ему здесь сегодня ночью не дадут, если потребуется – поднимут на ноги дежурных врачей, отвезут в реанимацию, одним словом, спасут. Но может случиться, что послезавтра или через неделю он сам, отдавая отчет своим действиям, шагнет в операционную, добровольно ляжет на стол – и провалится в бездну...

Шершавое верблюжье одеяло казалось наждачной бумагой, пододеяльник прилипал к телу, горячему и потному. Крепко закрыв глаза, Дугин попробовал считать верблюдов. Баранов. Овец... Счет утомлял, но заснуть все равно не получалось. Мешал чей-то храп, раздающийся от окна.

VI

Утром, без пяти девять, как велела докторша, Дугин с больничной картой в руках занял кушетку напротив кабинета ФГДС. Судя по тому, что оперировать его никто не собирался, болезнь его, видать, была не так уж и безнадежна. По крайней мере, вспомнить всю прожитую жизнь времени вполне хватало. Даже слишком. Ибо как только он сел, время словно остановилось, напоминая избитую истину о том, что нет ничего хуже, чем ждать, да догонять.

Он сидел возле запертой двери, а внутри его нарастало, копилось странное чувство беспокойства, сравнимое с трепетом первоклассника, зашедшего в школьный туалет, где идет разборка второгодников: убежать страшно, а оставаться еще страшней.

Ни разу не лежавший в больнице, Дугин отчетливо понимал, что вся его дальнейшая жизнь теперь будет зависеть не от него самого, а от совершенно чужих, незнакомых людей, их симпатий и антипатий. А с учетом того, что сидел он в коридоре уже полчаса, благие надежды в нем таяли, как свесившаяся за окном сосулька.

Минут без двадцати десять, цокая по паркету шпильками зимних сапожек, появилась медсестра. Он понял это по ее без меры покрашенным губам и

ресницам: врач вряд ли стала бы так усердно штукатуриться. Веснушки на носу тоже шли в копилку ее молодости.

- Здравствуйте, - на всякий случай поздоровался Дугин.

- Здравствуйте, - ответило крашеное создание и скрылось за дверью.

Ровно в десять явился и сам доктор. В помятой в общественном транспорте дубленке, черных джинсах и огромной рыжей шапке, он шел и разговаривал с каким-то солидным дядькой. Дугин прислушался:

- Облепиха, барсучье сало, сырой картофель – все это мы, слава Богу, уже проходили, - говорил человек с чиновничьей внешностью. – Я же язвенник со стажем, за свою жизнь, как только с ней, проклятой, не боролся!

- Чтобы сломать болезнь, надо, прежде всего, убить бактерию... Вы ко мне? – спросил доктор у Дугина. – С направлением?

Николай Павлович протянул бумажку.

- Хорошо. Мы вас вызовем, - они скрылись в кабинете.

«Все свои, да наши, - проводил их взглядом Дугин. – Но плетью обуха не перешибешь».

- Не подскажите, Вадим Леонидович на месте? – рядом с кабинетом, словно с телеэкрана выросла приятная дамочка в норковой шубе.

- Пришел.

- Я только спросить, - постучала она костяшками в дверь. – Можно?

- Обождите, - раздалось из кабинета.

- Это все «кишку» глотать? – объявился в коридоре еще один блатной. На этот раз Дугин промолчал.

- Я на платной основе, - встав рядом с дверью, как часовой пояснил тот. – В регистратуре сказали, что бы я шел вне очереди.

- Идите. Разве кто-то возражает? – дамочка в шубе привалилась спиной к стене, и Дугин понял, что сидеть ему тут до морковного заговенья.

Так и вышло. В кабинет его пригласили последним:

- Заходите!

Он зашел в полутемное помещение, освещаемое синим светом работающего монитора.

- Раньше ФГДС проходили? – устало спросила медсестра.

- Нет. Первый раз занесло.

- Откройте рот! – она прыснула ему в горло лекарство и велела проглотить. – Снимайте тапки и ложитесь на левый бок.

Дугин покорно забрался на специальную кушетку, согнул ноги и вдруг почувствовал легкий озноб, но только не от холода, а от страха перед неведомой процедурой под названием ФГДС.

Доктор в тонких резиновых перчатках вставил ему в рот загубник и велел дышать носом.

- Так! – командовал Вадим Леонидович, засовывая трубку эндоскопа. – Делаем большой глоток! Хорошо! Дышим носом! Носом, я говорю. Лежите спокойно! Ничего страшного здесь нет!

Дугин дышал, вернее сопел, едва справляясь с позывами к тошноте.

- Пищевод не изменен. Кардия смыкается. В желудке умеренное количество жидкости и слизи, - глядя на монитор, диктовал доктор. - Складки желудка не утолщены, эластичные. Слизистая – розовая, пятнистая. Функция привратника не нарушена...

Чувствуя, как, преодолев желудок, эндоскоп устремляется все глубже и глубже, от неприятного ощущения Дугин стал рыгать, пускать слюну, но это никого не удивило.

- Потерпите еще минутку! Луковица двенадцатиперстной кишки деформирована, на передней стенке определяется рубцующаяся язва... диаметром... 0,2 сантиметра, глубиной 0,1 сантиметр. Бульбит.

На обед Дугин опоздал. Да и не хотелось ему есть. Горло саднило, словно в нем побывал телевизионный кабель толщиной с палец. Николай Павлович с большим трудом глотал слюну, а о пище вообще боялся думать.

Перед армией он тоже ходил проверять желудок, но тогда во время обследования было достаточно выпить кружку бария и встать перед рентгеновским аппаратом. Несмотря на все старания осматривавшего его доктора, от которого за версту несло пивом, язву у него в желудке так и не нашли – и осенью Дугин благополучно отправился к месту службы. Сегодня на смену мелу пришел вездесущий эндоскоп, легко проникающий не только в желудок, но и в двенадцатиперстную кишку. Хотя, судя по замечаниям Вадима Леонидовича, которые он делал во время обследования, надеяться на благополучный исход не приходилось. Доктор говорил медсестре что-то об отечности слизистой и эрозии стенок луковицы.

В столовой еще гремели ложками. В настежь открытую дверь было хорошо видно, как за крайним от окна столом не спеша трапезничают два бомжа – два тезки, два Николая. Чтобы не портить другим больным аппетит, эта «сладкая парочка» из девятой палаты приходит в столовую последней, когда все уже поели. Дело в том, что от этих с первого взгляда чем-то похожих на отца с сыном Николаев до сих пор исходит запах, словно они только что вылезли из забитого дохлами кошками канализационного колодца.

Старший по возрасту, Николай-первый, был мужчиной коренастым, лет под пятьдесят, с темной от загара плешью и покрытой чирьями шеей. Его привезли в больницу прямо с городской свалки, вытащив из-под картонных коробок, где он прятался от холода с двухсторонним воспалением легких. Его приятель Николай-второй хоть и был намного моложе, но выглядел не лучше. Недобритая, с торчащими на затылке клочьями волос голова, ввалившиеся скулы, гнилые зубы. Но самое жуткое и отталкивающее – изуродованные грибок ногти на руках и ногах. Выглядывающие из сланцев красные, словно ошпаренные пальцы ступней, напоминали бесформенные куски вынутых из кипятка сосисок.

И вообще, попав в терапевтическое отделение, Дугин такого насмотрелся, что в страшном сне не приснится. Один из его соседей по палате, тихий деревенский мужичок по фамилии Ершов, страдал варикозным расширением вен, отчего его замотанные эластичными бинтами ноги были в жутких изъязвлениях кожи. Посмотришь - не стошнит, так вырвет!

У другого, совсем еще молодого парня, угодившего в больницу с язвой желудка, вся спина была покрыта папилломами – мерзкими наростами, болтающимися на тонких ножках. Но их обладатель, кажется, этого не понимал, и ходил по палате в майке, как бы выставляя свои «прелести» напоказ.

Но страшнее всех выглядел больной по фамилии Симоненко, страдающий базедовой болезнью с тяжелым тиреотоксикозом. Проще говоря, зобом: щитовидная железа у него была увеличена, а кожа пигментирована. Сам Симоненко худой, как из концлагеря, с выпирающими ключицами и жутким блеском широко раскрытых глаз – вылитый Кошей Бессмертный.

И с такими людьми Дугину предстояло не просто лежать в одной палате, а и общаться, разговаривать, вдыхать их нездоровые запахи. Больше всех вонял мазью добродушный Ершов, который, слава Богу, лежал в противоположном углу палаты. Но он мог запросто подойти, попросить авторучку и даже сесть к Дугину на кровать, чтобы рассказать какой-нибудь «потрясающий» анекдот. Все его анекдоты и байки были из тех, что ниже пояса.

- Николай, вот скажи, кто, по-твоему, стоящая женщина? – приставал он. И сам же, хихикая, отвечал. – Стоящая женщина – это та, что дает стоя.

Других шуток Ершов не знал.

VII

Попасть на УЗИ оказалось сложнее, чем на «кишку». Оно и понятно: кому же без особой нужды захочется ее глотать? По медицинскому полису на УЗИ записывали только на январь. Качать права, как это делали другие больные, Дугин не стал. Себе дороже. Сказал Кате, чтобы заглянула в третий том Достоевского – в «Записках из мертвого дома» лежала пятитысячная. И уже на следующий день худощавый безусый паренек, годящийся ему в сыновья, тупо уставившись в монитор, водил Дугину по животу какой-то мокрой липкой штуковиной. С усилием давил на печень, просил надуть живот, повернуться на бок. Но по его монотонному общению с медсестрой Николай Павлович догадывался, что дела у него неважные.

- Диффузные изменения в печени... Бугристость контура. Участок пониженной эхогенности, - как приговор читал доктор. - Диффузные изменения поджелудочной железы, гиперэхогенные включения в почках. Заключение. Очаговое образование печени, деформация желчного пузыря, хронический холецистит, панкреатит, признаки хронического простатита...

Медсестра в такт его словам бойко барабанила по клавиатуре. Результат выдали сразу. Дугин взглянул в бумагу и понял, что с таким букетом болезней долго не живут! Спросил:

- Что это значит?

- Тут все подробно написано... Лечащий врач вам объяснит.

Любят белые халаты по ученому изъясняться, крутить вокруг да около, правды, даже если жить осталось всего два понедельника, никогда не услышишь.

- Жить-то хоть буду? - стирая следы вазелина, спросил Дугин.

- Разумеется, разумеется, - дежурно заулыбался доктор.

Думай теперь, что хочешь. Лечащий врач, посмотрев результат УЗИ, тоже ничего определенного не сказала, только зачем-то еще раз прощупала его печень, и велела сдать кровь из вены на билирубин.

Сдавая в процедурном кабинете кровь, Дугин попытался узнать, что это за овощ такой «билирубин», и с чем его едят. Процедурная медсестра, приятная во всех отношениях молодая женщина оказалась еще и весьма разговорчивой:

- Основным производным распада гемоглобина является билирубин, - вводя иглой в вену, занималась она его просвещением. – Свободный билирубин поступает в печеночные клетки, образуя там связанный билирубин. В норме количество свободного билирубина зависит от степени распада эритроцитов, и в то же время определяется способностью печени выводить его.

- Ничего не понял, - зажав руку ваткой, усмехнулся Дугин.

- А тут и понимать нечего, - из-под марлевой повязки на него смотрели небесной голубизны глаза – бывают же такие. – Увеличение в сыворотке крови свободного билирубина – это один из симптомов желтухи. А повышенное выделение билирубина с желчью вызывает образование камней желчного пузыря и желчных потоков. Моча в таких случаях приобретает темный цвет.

«Этих врачей послушаешь, так все болезни у себя найдешь, - пыхтя над унитазом, пытался помочиться Николай Павлович. Не получалось. То ли не с чего, то ли действительно все так запущено, что помимо холецистита у него еще и хронический простатит, а может и аденома?»

Для видимости лечения врач все же назначила ему какие-то таблетки. По две штуки. Утром и вечером. Что за таблетки, для чего – не сказала. А он и не спросил, потому что помимо этих зеленых пуговичек она написала ему еще целый список лекарственных препаратов, которые необходимо купить в аптеке самому.

- Если есть желание, я, конечно, могу через знакомых достать весь этот набор с 10-процентной пенсионной скидкой, - предложила докторша. Но Дугин понял, что его опять пытаются развести на деньги, и отказался.

- У меня тоже есть знакомые в аптеке.

- Вот и хорошо.

Никаких знакомых в аптеке у него, конечно, не было. Да если бы и были, что толку? Все равно деньги плати. И судя по Катиному выражению лица, немалые! Одна упаковка «Эссенциале форте» - двести с лишним рублей! Цену он узнал, вертя в руках коробочку с лекарственным препаратом. А сколько ему потребуется таких коробочек на курс лечения? Неизвестно. Штуки три точно. «Нормализует функцию печени и ферментную активность клеток печени; уменьшает уровень энергетических затрат печени; способствует регенерации печени...», - прочитал он инструкцию по применению и раздраженно скомкал листок.

В какой-то момент Дугину сделалось жалко за себя. Что-то рано его выкинуло на обочину жизни. До пенсии еще валенком не докинуть. Весной собирался на дачном участке баню поставить. На счет бревен для сруба

договорился с одним мужиком по дешевке. А теперь какая баня? Только бы живым выкарабкаться из больницы. На глазах навернулись слезы.

Что скрывать, по молодости лет он покуролесил, попил винца с хлебом. Строил животноводческие фермы, овощехранилища и мастерские по всей области – все лето в разъездах: жил в совхозных общежитиях, клубах, строительных вагончиках. Питался, как таракан, чем придется. Хорошо если в хозяйстве имелась столовая – тогда все, как в армии: первое, второе и компот из сухофруктов на третье. Но чаще выезжал на бутербродах и чае из термоса – отсюда и язва. И нигде никогда не отказывался от выпивки, считал, что лучше перепить, чем недопить. У них тогда в «межпланетной», как они называли межколхозную ПМК, не скрывая, говорили: «Кто не пьет, тот сволочь!» И если кто-то из молодых начинал пытаться бригадира: «А почему сволочь?» - «Потому что кто не пьет, тот стукач», - коротко и понятно объяснил тот. И никто больше ничего не спрашивал. Наливали – и пили. Пили и наливали. Их первого бригадира, здорового, лысоватого, под сто двадцать килограммов мужика по фамилии Сыров уже давно похоронили – Дугин своими глазами видел в газете некролог с его фотографией.

А если Дугин завтра лыжи склеит, то по нему даже и некролог не напечатают. За все в своей жизни надо платить. Как за хорошее, так и за плохое. И этот херов билирубин, которым его пугают врачи, и эти расширенные вены, похожие на голову медузы на животе – чем не расплата за его бесшабашную молодость? Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок.

Народ пошаркал тапочками в столовую, откуда как когда-то в детском саду пахло пригорелым молоком. На завтрак давали пшеничную кашу, белый хлеб с маслом и какао.

Естественно, в первых рядах вечно голодные, как шавки - социально не защищенные больные. Орудуют ложками, словно век каши не едали. Тут же сморкаются, чихают, кашляют. Приличные люди с ними за стол не садятся – шарахаются, как от прокаженных: берут свои тарелки и расходятся по палатам. А эта братия не на радуется, что на их улице праздник. Гремит ложками, чешется, лопочет какую-то чушь, и сама же смеется. Кисти рук в синих татуировках, язвах, болячках. Головы обриты – страх смотреть. И как только Дугин этого в первые дни не заметил? Сидел с ними за одним столом, брал хлеб с одной тарелки!

- Николай Павлович, я смотрю, вы уже на поправку пошли? – остановил Дугина на выходе из столовой Алексей Иванович из шестой палаты.

- Пообщаешься денек – другой с такими Шариковыми – сразу на поправку пойдешь.

- А я сегодня отдыхаю один в палате - напарник мой на выходные дни домой отпросился.

- Как это домой? – не понял Дугин.

- Сказал врачу, что помыться хочет, - подмигнул Алексей Иванович. – Дело-то молодое. Вы бы посмотрели, какие он мне тут фильмы по видео

крутил... Вот только все названия вылетели из головы... Молодой, да из ранних.

- Бизнесмен?

- Врать не буду, где и кем работает, не интересовался. Но с его приходом в палате сразу телевизор появился... да что говорить, если у человека два мобильных телефона! Один с фотокамерой: он им Галину, старшую медсестру снимал – и сразу же ей изображение показывал.

- Красиво жить не запретишь! – улыбнулся Дугин.

- Это точно, – Алексей Иванович оглянулся, нет ли кого рядом, и заговорщицки продолжал. – Я вот вам что скажу, уважаемый. Не дай Бог, оперироваться будете, все золотишко с себя снимайте – и домой. А то, вижу, колечко при вас обручальное, цепочка с крестиком. Все снимайте! Тут такие архаровцы работают, что из-за какого-то колечка на тот свет спишут...

- Не может быть!

- Я, батенька, не первый раз в больнице лежу – насмотрелся. И деньги всегда при себе держите, даже отправляясь на процедуры. Никаких тумбочек, никаких наволочек – всегда при себе! Послушайте знающего человека. Потом спасибо скажите.

Войдя в свою шестиместную палату, Дугин рухнул на койку. Расстроил его Алексей Иванович. Зацепил. Достал. Он-то, Дугин, своим недалеким умом думал, что его приняли в больнице наилучшим образом: сразу в палату положили, а не где-нибудь в грязном коридоре, у стены, как некоторых, да и все необходимые обследования сделали бесплатно в течение недели. Но видно не с теми себя Дугин сравнивал, не на тех равнялся. У Алексея Ивановича вон и палата двухместная, и холодильник, и телевизор – все, что только душа пожелает. Дугин вытащил из блистера капсулу эссенциале форте, механически бросил в рот, проглотил.

С наступлением темноты, когда дневная суeta в отделении стихла, а больные начали готовиться ко сну, Алексей Иванович пригласил Дугина пройтись, познакомиться с местными достопримечательностями.

- Да чего интересного здесь можно увидеть? – удивился Николай Павлович, но все же поддался уговору. Лежать на кровати, тупо глядя в потолок, надоело. Спать не хотелось, да и рано еще было ложиться. Ходячие больные сидели, облепив телевизор, что стоял напротив процедурной, значит, еще не было десяти. После вечерних новостей дежурный доктор имел полное право погасить голубой экран и разогнать больных по палатам.

Алексей Иванович с Дугиным вышли на лестницу и спустились на первый этаж. Длинный, выложенный белым кафелем коридор утопал в полумраке. Из десятка люминесцентных ламп горели только две, да и то с каким-то нервозным миганием. Все расположенные вдоль стены двери заперты. Отдел кадров. Бухгалтерия. Библиотека. Дугин вспомнил, что где-то здесь должна находиться гардеробная, куда он сдавал свою верхнюю одежду при поступлении.

- Пошли, пошли, - вполголоса, как партизан, произнес спутник.

- Буфет, естественно, закрыт, - увидев висячий замок, - произнес Дугин.

И тут совсем неожиданно, что Николай Павлович даже вздрогнул, откуда-то сбоку раздался девичий голос:

- Привет, дяденьки! Скучаем?

Нахально выставив из-под больничного халата голую коленку, перед ними стояла девица лет девятнадцати. Лицо скуластое, грубое, волосы зачесаны назад и схвачены резинкой в хвостик. Высокая, худая, о таких раньше говорили, доска, два соска. А за ней – у Николая Павловича чуть не перехватило дыхание – стояла еще одна, ну прямо как его Светка, разве что пониже ростом. У Дугина отлегло от сердца.

- Добрый вечер, девочки! – наигранно улыбнулся Алексей Иванович.

- Вы к нам по делу или так просто из любопытства пришли? – по-деловому, беря быка за рога, спросила худая. - Сто рублей все удовольствие. Эскорт-услуга...

- Это как?

- Сейчас узнаешь, - улыбнулась девица, заигрывая с Алексеем Ивановичем, годящимся ей в отцы. – Люба!

- Надя! – откликнулась вторая.

- Любушка, ты моя голубушка...

- Деньги! – оборвала Люба.

- Ой, извините, девчонки, я кошелек оставил в палате, - виновато произнес Алексей Иванович. – Пойдем, Николай!

Они развернулись и, не оглядываясь, направились к лестнице. Поднимаясь по ступенькам, Алексей Иванович с чувством выполненного долга заговорил:

- Видал! Вот это сервис! Все двадцать четыре удовольствия! Когда мне про этих сосок сосед по палате рассказывал, я не поверил. Думал, врет, фантазирует, а сегодня сам во всем убедился. Эта Люба с Надей, говорят, уже третью неделю в неврологическом отделении лежат – и, как видишь, времени зря не теряют. Сосед-то у меня парень был не из бедных. Для него сотня, что для тебя рубль. Рассказывал, что пока одна с ним, как Моника Левински с Биллом Клинтонем на «саксофоне» играла, другая, подстать Мэрилин Монро стриптиз показывала, а потом они менялись. Представляешь?!

Алексей Иванович был начитанным товарищем.

VIII

Судя по кривым губам делавшей осмотр докторши, анализы у Дугина были хуже некуда! В отличие от других пациентов, к которым Надежда Дмитриевна испытывала легкую брезгливость, с Николаем Павловичем она общалась на равных. Даже с некоторым уважением. Без проблем отвечала на все его, может, не вполне уместные вопросы, как ребенку объясняла действие лекарств, необходимость назначенных процедур. И он грешным делом уже подумывал, что пора бы ему внимательную докторшу как-то отблагодарить. Коробочкой шоколадных конфет или на худой конец какой-нибудь полезной книгой. Любят наши доктора еще художественные книжки читать. Не деньгами же ей давать? Да и сколько? Сотню, две, три – кто знает, какие у них

тут расценки. Мало дашь – обидится. Себе же хуже сделаешь. Вон она и так все время кривит губы.

- Так, Николай Павлович, - закончив игру пальчиками по его печени, - подала голос докторша. – Так, надеваем маечку... Порадовать вас, к сожалению, пока не чем. УЗИ показало наличие очаговых образований. Что уж это такое: жировые уплотнения или новообразовавшаяся опухоль отсюда не видно. Надо делать пункцию.

- Объясните понятнее, - побледнел Дугин.

- Если понятнее, то надо делать прокол, чтобы достать из очаговой области для исследования кусочек ткани. В условиях современной анестезии это совсем безболезненно.

- Дырку сделаешь – не запломбируешь, - он еще пытался шутить.

- Согласна, хорошего мало. Но и гадать на кофейной гуще – никакого толку. Чтобы исключить цирроз и раковые образования – нужно обследоваться.

- Может, есть какой-нибудь другой, более щадящий способ?

- Способ есть: пройти обследование на компьютерном томографе. Но сразу скажу, что в нашей больнице очередь на томограф на два года вперед.

«Вот бы где шоколадные конфетыгодились, - ругал свою недалекость Дугин. – Ведь нынче как? Не подмажешь – не поедешь».

- А если платно? – испытывал он последний шанс.

- На платной основе, конечно, можно, но удовольствие, прямо скажу, не дешевое.

- Сколько?

- Если мне не изменяет память, штуки три с копейками.

Дугин присвистнул:

- Таких денег у меня с собой нет.

- Говорят, в неврологической больнице компьютерная томография значительно дешевле. Может, у вас есть там знакомые?

- Откуда?

Три тысячи – для Дугина, конечно, не великие деньги. Но Достоевский пуст, а что лежат в банке на депозите без крайней нужды лучше не трогать – иначе проценты по боку. У Катки в его отсутствии финансы тоже поют романсы: лекарства, продукты, что она таскает котомками в больницу – стоят денег. И немалых. Яблоки, груши, сметана, творог – все с рынка. Как-то до головокружения винегрета захотелось, сказал Кате – принесла. В другой раз - сырокопченой колбаски! Хоть врач и не рекомендовал, а, глядя на вечно жующего Алексея Ивановича, слюни текут. Куриный бульончик, цыпленок-гриль... Все траты! Да и собираясь в больницу, он выгреб из серванта всю наличность – рублей четыреста. На всякий случай. Думал, вдруг все обойдется – так на такси домой ночью уедет. Да, видно, не его карта выпала, не так колоду стасовали. Деньгигодились – куда бы он без них? На Катерину, как говорится, надейся, а сам не плошай. Пока она раскачалась, пока пришла со своими баночками, да свертками – он бы уже и дуба дал. А так спустился потихонечку на первый этаж, в буфет, где весь медперсонал питается – и купил

все, что хотелось. По большому счету там, конечно, ничего полезного и не было – всякая ерунда: газировка, жареные пирожки, чебуреки, котлеты в тесте. Но уж больно пахло вкусно!

Дочка как-то наведалась. Видно, пришла проведать дышащего на ладан отца – есть у Дугина такая открытка. «У одра умирающего» называется. Принесла молочных сосисок – так их больничная кошка есть не стала – один крахмал. Но что со студентки возьмешь, если в одном месте ветер, в другом – дым? Спасибо и на том, что не забыла.

Влетела с улицы птичкой-синичкой, щеки с мороза горят, глаза блестят, по сторонам косится, на месте не стоит.

- Ну, как, папа, у тебя дела?

- Как сажа бела, - отшутился Николай Павлович.

И вкусив больничных запахов, Светка уже через десять минут скинула и запросилась на волю:

- Я побегу, пап, ладно? Может, чего маме передать?

- Скажи, пусть мой сотовый телефон принесет? – попросил Дугин.

- Зачем?

- Зачем людям телефоны нужны - звонить.

- Кому?

- Мало ли кому захочется позвонить – скажи, пусть принесет! И зарядное устройство к нему.

- Ладно, скажу.

Катя с ее дурацкими принципами всю жизнь раздражала Дугина. И поэтому семейный кошелек он держал при себе. Сам платил за квартиру, электричество, телефон. По выходным дням любил прошвырнуться по рынку. Начинать с самой дальней его части, где не просыхающие от водки мужички торговали всяким барахлом. Обойными гвоздями, шурупами, ржавыми напильниками, сломанными отвертками. Поход к старьевщикам был для Дугина своеобразным воскресным ритуалом, его голубой мечтой: а вдруг кто-нибудь из этих доходяг притащит оставшиеся от покойной бабушки открытки?

Но чудеса бывают только в сказках. Правда, как-то в толпе забулдыг он заметил новую торговку - женщину за шестьдесят. Возле ее суконных сапог прямо на снегу лежала коробочка с елочными украшениями. Он остановился. Среди комков пожелтевшей ваты лежали елочные бусы, выцветшие картонные верблюжата, проволочные снежинки. Праздничный народ спешил мимо, а Дугин стоял у коробочки, как замороженный – там лежала частичка его детства.

Уловив проявленный интерес, женщина что-то быстро-быстро заговорила, как обычно говорят умалишенные. Беззубый рот переполняла слюна, которую она лихо смахивала рукавичкой. Она хорошо усвоила распространенную среди барахольщиков присказку, что на каждый значок найдется дурачок. Но ошибалась. Покупать Дугин ничего не собирался. Не хватало только еще одного увлечения. Он внимательно, как бы стараясь запомнить, подержал в руках несколько елочных украшений, аккуратно все сложил в коробочку, развернулся и ушел. В мясной павильон, где всегда покупал телятину с

косточкой для первого и свинину для жарки. Он практически знал всех постоянных продавцов, и те тоже узнавали его, здоровались, уступали в цене.

В молочном отделе, словно совершая круг почета, Дугин обходил все прилавки – здесь его тоже знали, предлагали попробовать творог и сметану. Николай Павлович охотно брал с ложки добротную крестьянскую продукцию, жевал, торговался. Завершеньем рыночного вояжа был павильон «овощи», где матерчатую сумку под завязку заполняли картошка, лук и морковь. Все остальное продовольствие - чай, кофе, сахарный песок, растительное масло Дугин покупал в ближайшем к дому универсаме.

И вот стоило ему попасть в больницу, как все пошло наперекосяк. Катя в отличие от него покупала продукты набегом, совершенно не ориентируясь в ценах. Первое время, пока у нее еще имелись деньги, она вела себя спокойно. Но как только окончательно села на мель, стала раздражительной, злобной, того гляди укусит.

- Телефон принесла? – спросил Дугин при встрече.

- Принесла.

- Лечащий врач говорит, что надо делать пункцию, - сунув телефон в карман, продолжал Николай Павлович. – Что скажешь?

- Врачу видней...

Больше всего Катя бесила Дугина своим равнодушием. Неужели, вот так, запросто, можно рассуждать о чужой жизни: «врачу видней»?

- Но, если пройти компьютерную томографию - можно обойтись без пункции...

- Значит, надо пройти!

Да ей, кажется, уже все равно.

IX

К открыткам Николай Павлович пристрастился еще в годы застоя, когда художественная почтовая карточка с маркой стоила всего четыре копейки! На новогодние праздники от родных и знакомых приходило по десятку поздравительных открыток, выбрасывать рука не поднималась – вспомнил далекое детство и стал собирать. Сначала новогоднюю тематику, потом – космическую. После развала Советского Союза, как бы ностальгируя по недавнему прошлому, взялся за пионерию, комсомол, КПСС. И с каждой новой открыткой, которые когда-то были средством культурного и идейно-политического воспитания трудящихся, открывал удивительные вещи.

Например, в июне 1952 года издательство «Советский художник» выпустило открытку с репродукцией картины Сергея Григорьева «Прием в комсомол». Помимо девочки-школьницы, вступающей в комсомол, были на ней молодые райкомовцы, учительница, убеленный сединой фронтовик, а в углу, под красным знаменем бюст товарища Сталина. Можно даже домыслить, какие заумные вопросы звучали из уст старших товарищей: «А вы читали Манифест Коммунистической партии?», «А знаете, кому принадлежат слова: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»?» Так, наверное, все и было, художник удачно поймал важное мгновение в отечественной истории,

профессионально прописал портреты и характеры персонажей. Но грянул XX съезд КПСС, развенчавший культ личности Сталина, тело вождя всех народов вынесли из мавзолея. И с изданной в 1962 году репродукции Сергея Григорьева «Прием в комсомол» исчез бюст Сталина.

Не менее забавна и судьба другой почтовой карточки – с репродукцией полотна **Николая Касаткина** «Крепостная актриса в опале, кормящая грудью барского щенка». На открытке, выпущенной в **1931 году музеем Революции**, обнаженная грудь молодой женщины из соображений нравственности целомудренно прикрыта сарафаном. А на более поздних изданиях можно увидеть подлинную работу Касаткина, где щенок припал к женскому соску.

Треть собрания - открытки известной русской художницы Елизаветы Меркурьевны Бем. Не коллекция, а энциклопедия русской жизни! Трогательные почтовые карточки, выходившие в начале прошлого века многотысячными тиражами, расходились по всей стране. Городские школьницы наклеивали их в альбомы, крестьянские дети украшали ими стены изб, невесты вместе с приданным увозили в шкатулках в дом жениха.

Всю жизнь Елизавета Бем посвятила оформлению детских книг, но широкую известность ей принесли как раз открытки. Предметы крестьянского быта, одежда, незатейливая утварь, игрушки – Елизавета Бем не пропускала ничего, все впитывала, как губка, чтобы затем воплотить в своих «деревенских мотивах». А устный фольклор – поговорки, пословицы, присказки – она просто коллекционировала, буквально собирая по крупицам. Благодаря всему этому ее открытки подкупали особой искренностью и пользовались спросом, как среди простых крестьян, так и среди царственных особ. Известно, что Александр III и Николай II были большими поклонниками ее творчества.

У Дугина альбом открывает простенькая, казалось бы, незатейливая на первый взгляд открытка, где девчушка с мальчонкой, совсем как взрослые сидят у самовара. «Выпьем чайку, позабудем тоску!» - гласит надпись. Ниже другая почтовая карточка: зимний пейзаж с крышами деревенских домов на горизонте, а на переднем плане закутанная детская парочка: «Купим себе деревеньку, да заживем помаленьку!»

На каждой открытке милые детские личики, сопровождаемые пословицей, поговоркой, а то и крылатой фразой: «Живи – не тужи. Будет солнце в твоё оконце». «Не плачь, не плачь – куплю калач! Не вой, не вой – куплю другой!» Есть у Дугина такая открытка Елизаветы Бем. Гордость коллекции. Ни у кого из знакомых коллекционеров такой нет. К ней даже Григорий Моисеевич Эйдельман, филокартист с пятидесятилетним стажем подбирался, как лиса. Уговаривал: «Давай, Палыч, махнем! Одну на две!» Деньги предлагал. А Григорий Моисеевич, как известно, без выгоды шагу не ступит.

Станный тип, с большим прибабахом. В советские годы, когда открытки стоили копейки, купит у кого-нибудь редкую почтовую карточку, и если у него такая есть, тут же порвет на мелкие клочья. Как говорится, ни себе, ни людям. Мужики рассказывали, что под старость лет Эйдельман подарил один из альбомов с почтовыми карточками издательства Лапина на день рождения своему десятилетнему внуку. На память о дедушке-филокартисте. А внучонок

тут же решил похвастаться открытками перед одноклассниками. Притащил альбом в школу и по доброте души раздал половину друзьям-приятелям. Деда чуть инфаркт не хватил – ни одной почтовой карточки в альбоме не было дешевле тысячи рублей. Эйдельман помчался в школу, где в срочном порядке провели классный час, кое-что из открыток вернули, но не все.

Молодежь, из тех, кто купи-продай, тоже к Дугину приставала: «Уступи Бем - не обидим!» Эти нувориши вообще хватают все подряд: старинные монеты, иконы, фарфор – и в Москву.

С недавних пор и на открытки, как на пожелтевший капитал запали. Гена Щукин, плечистый, подстать качкам, тридцатилетний антиквар-любитель не скрывает, что сам лично ничего не собирает, все для перепродажи. В Москве, говорит, открытки с видами русских городов издательства Лапина уходят «влет», детишки Бем и Лебедевой пользуются спросом, шуточные деревенские сценки Бориса Зворыкина, почтальоны.

Год назад Гена обратился к Дугину за консультацией профессионала. Ему, мол, предложили два ящика советских открыток по рублю за штуку, а он не знает, как поступить: брать или не брать. «Я за вами сейчас на машине приеду, - уговаривал он Николая Павловича. – Посмотрите, прикиньте, что к чему, свое слово скажете – и тут же назад. К самому подъезду доставлю!» Тут уж Дугину и самому стало интересно, что за коллекция?

Щука прикатил на иномарке вместе с любовницей, смазливой девахой лет двадцати двух. Избалованная киска даже покидать машину не стала, пока они в избушку на курьих ножках ходили и бегло перелопачивали тысячи почтовых карточек. Какой-то умник, видно, собирал в годы застоя все подряд: города, космос, цветы, живопись. Чистые открытки, маркированные, надписанные, прошедшие почту – все до кучи. А коньки отбросил, наследники растерялись, что делать с этим свалившимся на голову «богатством». Сын покойного горе-коллекционера в одну антикварную лавку сунулся, в другую – пустой номер. Нашел в газете бесплатных объявлений телефон Щукина, позвонил - тот и купился. А для страховки Дугина притащил. И все спрашивал: «Что скажите, Николай Павлович? Стоит этот хлам каких-то денег или лучше сразу откланяться?»

Открытки Гена Щукин в тот раз так и не купил. Не сторговались. И все потому, что предложил их обладателю по десять копеек за штуку, а не как сказал Дугину, по рублю. Парень же настаивал на тридцати копейках. В итоге он плюнул и сказал, что лучше будет топить этими открытками зимой печь! На том и разошлись.

Х

В поисках необходимой суммы на компьютерную томографию и лекарства Дугин решил предложить Гене часть своей коллекции Елизаветы Бем. Конечно, это были очень симпатичные почтовые карточки с крестьянскими детьми и пословицами. Пользующиеся спросом, дорогие! Но собственная жизнь дороже типографских картинок, пусть и начала прошлого века. Набрал Генкин номер, и на удивление быстро соединился:

- Добрый день! Алло! Геннадий, это Дугин беспокоит...

- Кто? – громко, словно из соседней палаты раздалось в трубке.

- Дугин, Николай Павлович из клуба филокартистов.

- А-а, Николай Павлович! – оживился Щукин. – Здравствуйте, здравствуйте, уважаемый! Какими судьбами до меня снизошли, что новенького в клубе?

- Новенького? Я тут часть своей коллекции хочу продать... Елизавету Меркурьевну Бем.

- Серьезно?

- Деньги нужны... Может, завтра встретимся, поговорим?

- Извините, Николай Павлович, но завтра не смогу – я в Таиланде...

- Где? – не понял Дугин.

- В Таиланде отдыхаю, только из бассейна вышел – и тут ваш звонок...

Дугин испуганно, словно его шибануло током, вырубил мобильник - за базар с Таиландом можно не только баланс обнулить, а еще и в долгу остаться. Это внутри сети звонки копеечные, а за границу каждая минута – по у. е.

Хоть и не хотел Дугин связываться со Славой Мутным, но больше было не с кем. Слава, конечно, мужик скользкий, непорядочный, за червонец отца родного продаст.

Как-то Дугин оказался случайным свидетелем, того, как Мутный, и глазом не моргнув, впарил приезжему мужику новодел старинной почтовой карточки. Отсчитывая деньги, костромич еще переспросил, настоящая ли, мол, она? «По марке смотри! – как уж на сковородке, вертелся Мутный, чувствуя, что привлекает к себе внимание. – Видишь, почтовая марка Российской империи, выпущенная к 300-летию дома Романовых с изображением Александра III? Еще есть вопросы?» О том, что настоящую царскую марку, которой в базарный день цена три рубля, можно легко наклеить на репринтную открытку, он, естественно, промолчал. Мутный он и есть Мутный! Зато при деньгах. Солидная пачка, схваченных резинкой российских и американских купюр всегда на кармане.

Мутный прикатил к больнице на джипе, чем вызвал у скучающих в окнах больных нездоровый интерес.

- Давай, показывай, чего у тебя тут? – с места в карьер погнал он. – Но сразу предупреждаю, что возьму только дореволюционную Россию.

- Как насчет Бем?

- Мне что Бем, что Ебем – цены у меня свои, не каталожные. И не надо мне рассказывать сказки, что в столице такие открытки стоят бешеных денег. Сам каждую пятницу бываю на Московской ярмарке увлечений, знаю, что чего стоит, короче, со мной не забалуешь!

Дугин открыл альбом – и глаза Мутного загорелись, словно ему предложили сыграть в беспроигрышную лотерею. За две копейки вытащить сторублевый приз. Не веря прикатившему счастью, он торопливо вытаскивал из фотоальбома приглянувшиеся карточки, близоруко подносил к самым глазам и причмокивал от удовольствия:

- «Милые бранятся, только тешатся!» - какая прелесть! Первый раз вижу! «Эх-ма, кабы да нам денег тьма...», - читал вслух Мутный. - «Ярославцы все красавцы. Русы кудри сто рублей, буйная голова тысячная, а всему молодцу цены нет!» - это вообще шедевр! «Поцелуй в уста ради Праздника Христа»... Все беру! Сколько денег? Ты смотри: «Ох-ти, ах-ти, как-то мне замуж идти. За худого неохота! Хорошего негде взять!» - как мило! «Не тужи по вчерашнему, жди завтрашнего!» Понял, Палыч, не тужи по вчерашнему, жди завтрашнего!

Как Мутный и предупреждал, он был готов выложить за столь раритетные открытки лишь две трети от их каталожной стоимости. Ни рубля больше.

- Слава, ну где ты еще такую сохранность найдешь? – набивал цену Дугин. – Я ведь не от хорошей жизни тебя позвал: деньги на лечение нужны! Набрось еще тысчонку – и по рукам?

- Палыч, я понимаю, что деньги нужны, - не сдавался Мутный. – Если бы были не нужны, то мне этих открыток не видать, как своих ушей! Но и меня пойми, я все оптом беру, не торгуюсь! А ты попробуй их продай по каталожным ценам – замучаешься искать покупателя. Кризис в стране! Понимаешь, финансовый кризис!

- Ладно, Слава, полюбовался и хватит, ишь раскатал губы, - забирая у Мутного открытки, как-то сразу насупился Дугин. – Если тебе жалко штуку рублей добавить, то я этот альбом лучше Щуке толкну, он стоворчивей.

- Так Щука, говорят, сейчас в Таиланде отдыхает! – насторожился Мутный.

- Послезавтра вернется, - врал и не смеялся Дугин. А что делать? С волками жить – по-волчьи выть. – Я звонил Генке, он возьмет все оптом.

- Ладно, Палыч, не кипятись, - заулыбался Мутный. – Только из уважения к тебе кладу сверху тысячу. Держи и не хворай!

- Настоящие? - просматривая купюры на просвет, поддел Дугин.

- А то! – оскалился Мутный, убирая открытки в барсетку. – Как говорят коллекционеры, состояние денежных знаков – пресс! Еще тепленькие, только что из банкомата!

- Случайно не из Прикольного банка России?

- Обижаешь, начальник! – усмехнулся Мутный.

XI

Нужные знакомства в наше время, как палочка выручалочка. Стоило Дугину заикнуться о своей проблеме с компьютерной томографии, как Мутный тут же подсказал ему телефон дорожной клинической больницы:

- Заведующий диагностическим центром там трудится Черезов Валерий Константинович – специалист от Бога. И расценки у него тоже божеские, не то, что в платных клиниках. Нормальный мужик, мы с ним в одном подъезде живем. Придешь - скажешь, что от Стеклова.

- А кто такой Стеклов?

- Ну, ты, Палыч, даешь! Стеклов Вячеслав Борисович – это я.

Дугин редко интересовался фамилиями своих «шапочных» приятелей: Гена Щука, Валя Муха, Слава Мутный – для первичной идентификации этого вполне достаточно.

- Извините, Вячеслав Борисович, не знал.

Цены за компьютерную томографию в дорожной больнице действительно оказались божевскими – всего две тысячи рублей. Дугин на всякий случай поинтересовался, во сколько это удовольствие обойдется в других диагностических центрах – везде было дороже.

Как ни странно, но доктор Черезов ему сразу понравился. Аккуратная белая шапочка, очки, бородка, выразительные глаза – вылитый Антон Павлович Чехов в молодости, даже не подумаешь, что налево шабашит.

- Если успеете достать омнипак, то могу записать вас хоть на завтра, - листовая перекидной календарь, сказал он.

- Как вы сказали? Омнипак? – переспросил Дугин.

- Да, лучше всего омнипак. Это специальный контрастный усилитель, вводимый в кровь перед обследованием. Производится, если мне не изменяет память, в Ирландии. Покупайте только его, он наиболее безопасен и легко выводится из организма. Одного флакона достаточно. Но найти его не просто, поэтому записываю вас на среду. В 9-30 сможете подойти?

- Постараюсь.

- Тогда до встречи.

В ближайшем аптечном киоске омнипака не оказалось. Не было его и в двух других аптеках, куда успел заскочить Дугин, прежде чем вернулся на свою больничную койку. Позвонил еще по двум адресам – и только тогда понял, что имел в виду врач, говоря «если успеете достать».

Дугин лежал на больничной койке поверх одеяла и никак не мог понять, почему, находясь на лечении в одной больнице, он вынужден отпрашиваться, чтобы съездить в другую? А для прохождения там платного обследования, был еще обязан бегать по аптекам в поисках какого-то омнипака? Вот что значит бесплатная страховая медицина! Хотя какая к черту она бесплатная, если каждый месяц бухгалтерия производит отчисления в ФОМС? Невеселые мысли роились у Дугина по этому поводу. И, когда он уже стал терять надежду найти лекарство, оказалось, что нужный препарат есть в наличии в аптеке на первом этаже. Вот уж действительно никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

- У вас случайно омнипак не завалился где-нибудь на складе?

- 980 рублей, - буднично ответила девушка-провизор и достала из коробки флакон из толстого стекла.

- А это ирландского производства? – не веря своим ушам, переспросил Николай Павлович.

- У нас другого не бывает.

Дугин протянул тысячерублевую купюру.

Вернувшись в палату, он снова завалился на кровать. Но теперь уже довольный собою, не то, что полчаса назад. Устало закрыл глаза. «С деньгами хорошо, без денег плохо!» - сформулировал он осенившую его мысль. Жаль, что Елизавета Бем не успела ее проиллюстрировать. Изобразила бы каких-нибудь деревенских ребятишек с пачкой царских сторублевок.

- Можно? – постучав в кабинет компьютерной томографии, спросил Дугин.

- Подождите минуточку, - узнал его доктор Черезов. – Я сейчас.

«Русское сейчас длится ровно час», - подумал Николай Павлович, и стал осматриваться, где бы присесть. Но доктор через минуту вышел:

- Омнипак нашли?

Дугин вынул заветный флакон и две тысячи рублей.

- Отлично! – привычным движением доктор сунул деньги в карман рубашки, а бутылочку с импортным препаратом - в халат. – Проходите!

В просторном помещении с наглухо занавешенными окнами было довольно прохладно.

- Вы пока не раздевайтесь - у нас не жарко! – медсестра подошла к Дугину с какой-то жидкостью. – Выпейте! Это предварительная маркировка петель кишечника раствором контраста.

Николай Павлович проглотил безвкусную жидкость. Представил, как из желудка контрастный усилитель впитывается в кровь и отправляется гулять по сосудам. Минут через пятнадцать медсестра ввела ему омнипак внутривенно. И в это самое мгновение вырубился свет.

- Опять электрики чудят! – вздохнула девушка.

«Этого только не хватало!» – поежился Дугин, сознавая, что теперь от него ровным счетом ничего не зависит. Он – жертва обстоятельств. И доктор Черезов при всем своем желании ему ничем не поможет, и медсестра, слава Богу, успевшая вытащить иголку из вены. Даже электрики, если произошла серьезная авария – быстро не управятся. Все в руках Всевышнего!

О том, что с электричеством не шутят, он усвоил на всю жизнь, когда еще работал в Межколхозной ПМК. Зима. Морозы под тридцать. И как всегда, в авральской обстановке нужно срочно сдать животноводческий комплекс. Хоть с недоделками, хоть с переделками, но кровь из носу до 1 января акт приемки должен быть подписан.

С календаря сыплются последние листки декабря, а на комплексе конь не валялся. Что тогда говорить про коров, которые должны здесь справиться новоселье. Рамы не утеплены, проводка не завершена – с потолка висят одни «сопли» и «скрутки». Но самое страшное – жуткий холод! Что на улице, что в помещении.

С базы прислали работающие на солярке теплогенераторы, закрепили в дверных проемах. Дугин взялся их подключать. Один наладил, другой раскочегарил. Остался последний. Чтобы не терять времени даром и не мотаться туда сюда, намотал тянущуюся от рубильника «переноску» на руку и стал крепить фазный провод к клеммам генератора. Закрепил. Взялся за нулевой - и кранты! Попал под напряжение. И всего-то 220 вольт, но его так закрутило-завертело, что руку с проводом свело судорогой до самого плеча. Дугин и рад бы крикнуть, чтобы кто-нибудь рубильник выключил, да голос пропал – мычит себе под нос, а кто его мычанье услышит?

Уже и череп, типа того, что учительница в класс приносила, в глазах замельтешил, и фигура женщины в белом примерещилась, и в сон бросило... «Все! – успел подумать Дугин, прощаясь с белым светом – вот, значит, она, какая смерть-то бывает!» И повалился он, как чурак бесчувственный навзничь.

Прямо деревяшка, а не человек. Но как только грохнулся на землю - провода из рук вырвались, и Дугин пришел в себя. Врагу не пожелаешь такого, что он пережил тогда за каких-то полминуты. С тех пор никаких контактов с электричеством!

Замигавшие на потолке лампы дневного света возвестили об устранении неполадок. Из-за перегородки, усиленный динамиком, зазвучал знакомый голос доктора Черезова. Весь процесс обследования занял минут десять, но чтобы получить на руки заключение, еще полчаса пришлось поторчать в коридоре. Возле кабинета выстроилась очередь: два мужчины в железнодорожной форме и девица лет тридцати. Увидев Черезова, она метнулась к нему, как сумасшедшая:

- Валерий Константинович, вся надежда на вас, - завертелась она вокруг врача. - Семен Моисеевич так и сказал: идите к Черезову. Валерий Константинович – наше все!

Но «наше все» развернулся к посетительнице спиной и прошел к Дугину.

- Николай Павлович, - заговорил он. – Вот протокол исследования, здесь все подробно расписано. Могу вас заверить, что никаких серьезных патологических изменений органов брюшной полости у вас не выявлено. Имеются, правда, признаки хронического панкреатита вне обострения, но все это не смертельно.

- Печень как?

- Нормально. Форма, размеры и положение печени не изменены. Контуров ровные, четкие, структура паренхимы однородна, плотность не изменена, внутривенные желчные протоки не расширены. Так что в проведении пункции нет никакой необходимости. Из личной практики могу предположить, что ваше очаговое образование не что иное, как обычное жировое отложение, ничего страшного в нем нет. Так что спокойно закрывайте больничный и выписывайтесь домой.

- Спасибо, доктор!

- На здоровье!

XII

В больницу Дугин вернулся на такси. Надо было, конечно, подождать маршрутку, но из-за угла как нарочно выскочила серебристая «Ауди» с шашечками на борту, и Дугин махнул рукой. Иномарка тормознула. Узнав, куда нужно ехать, водила даже не стал заламывать цену, сошлись на ста рублей. Пятнадцать минут езды – и Николай Павлович уже поднимался по знакомой лестнице в терапевтическое отделение. За благополучную отлучку можно было бы и сто грамм коньячку по дороге пропустить, но умная мысль приходит опосля.

Больные возвращались с обеда. Тихий запасливый Ершов, как всегда, собрал в полиэтиленовый пакетик оставшийся на столе хлеб. Следом в полосатой пижаме, словно узник Освенцима тащился Симоненко. Еще один недавно попавший в палату мужичонка с писательской фамилией Замятин, нес

в вытянутых руках тарелку со вторым. Поверх размазанного картофельного пюре лежала котлета.

- Николай Павлович, это я для вас прихватил, - заметив Дугина, испуганно залепетал он. – Думаю, вдруг захотите покушать, когда вернетесь. А тут котлетка с пюре. Я раздатчице так и сказал: «Дайте, - говорю, - еще одну порцию во вторую палату». Но вы же знаете Зою Тихоновну – у нее зимой снега не выпросишь. Сказал, что вы «кишку» глотаете». Пришлось соврать, а то бы не дала. Возьмите, пожалуйста!

В другой раз Дугин бы наверняка отказался. Тем более что по сникшему взгляду Замятина чувствовалось, что лишнюю порцию он выпросил для себя любимого. И до последнего верил, что брезгливый Дугин ее не возьмет, поблагодарив за заботу. А тот взял. Жрать после прогулки на свежем воздухе хотелось как тигру.

- Спасибо!

- Приятного аппетита.

Пока ходячие больные курили в туалете, Дугин пристроил тарелку на тумбочке. Вынул хлеб, достал принесенную из дома мельхиоровую ложку – казенных он брезговал и приготовился вкусить больничную пищу. Котлета выглядела вполне аппетитно, и пюре было настоящим – из картофеля, а не какой-нибудь «роллтон». Скрипнула дверь - в палату заглянула лечащий врач. Дугин обернулся:

- Добрый день, Надежда Дмитриевна!

- Не такой он у нас сегодня и добрый...

- Что такое?

- Больной из шестой палаты утром скончался... Нужно его в морг отнести, да некому. Алексей Иванович, сами знаете, килограммов под сто с гаком был, не знаю, кого и просить – мужичков-то крепких у нас в отделении раз два и обчелся. Так что уж помогите, Николай Павлович...

- Да-да, конечно, - встрепенулся Дугин.

- Наденьте теплый халат – морг у нас во дворе...

«Вот бы на кого никогда не подумал! – рассуждал Дугин, машинально надевая шерстяной халат. – С чего бы это Алексею Ивановичу коньки отбрасывать?» Глядя на этого пенсионера, уверенно шагающего по коридору, да и по жизни в целом, казалось, что он переживет все отделение. Был он из породы людей старой закалки, до гробовой доски хранящих свой партийный лоск. Дугин представлял, что из десятка надуманных хворей, существующих по большей части ради санаторных и курортных путевок, у таких людей нет ни одного серьезного заболевания. Они часто болеют, да долго живут.

Так до конца не сознав, что произошло, Дугин вошел в палату улучшенной комфортности. И вздрогнул – тучное безжизненное тело Алексея Ивановича лежало на полу.

- Ну, чего, берем за руки, за ноги – и на носилки? – подал голос стоявший в изголовье парень, видно, тот самый бизнесмен, сосед покойного по палате.

Сзади, как шуруп в нужное отверстие втиснулась санитарка:

- Вдвоем-то управитесь? Или еще кого на подмогу кликнуть?

- Справимся, - ответил парень.

И они вдвоем с Дугиным легко перебросили костенеющий труп на носилки. Санитарка накрыла тело простыней.

- Мужики, может помочь? – в коридоре уже толпились больные. И не столько готовые действительно подхватить носилки, сколько решившие посмотреть, кого это выносят вперед ногами. В монотонной, скудной на разнообразии больничной жизни чужая смерть – событие. Теперь начнутся по палатам разговоры: кто да почему.

Дугин шел первым, и как только стали спускаться по лестнице, сразу почувствовал вес покойного – центнер, не меньше. А тут еще идущая следом санитарка все время лезла со своими советами:

- Тихонечко, ребятки, тихонечко, не спешите, родимые! Все там будем, только в разное время.

Дугину никогда в жизни не приходилось носить покойников, он волновался, старался идти медленнее. Мимо отдела кадров, бухгалтерии, библиотеки. Всего каких-то три дня назад они прогуливались здесь с Алексеем Ивановичем, таким веселым, жизнерадостным, полным планов и надежд. И вот уже, не имея возможности вытереть пот, он тащит его по холодному больничному коридору. Живой – мертвого. И с этим не поспоришь, потому что в арифметике смерти одно единственное действие – вычитание.

- Может, помянем? – на обратном пути предложил спутник Дугина. – По чуть-чуть. Галина, старшая медсестра обещала за «шабашку» плеснуть медицинского спирта. Настоящего, а не того, чем задницы протирают.

Как все сложно. Поднимая носилки, Дугин не мог и предположить, что это «шабашка», за которую полагается пятьдесят граммов спирта. Но Сергей, как звали нового русского, все легко расставил по местам.

- Я не против.

Народ во второй палате отдыхал. Один Ершов растирал вонючей мазью свои больные ноги. Молодой чесал спину, а притихший на кровати Замятин время от времени все поглядывал на оставленную Дугиным тарелку.

- Николай Павлович, напрасно вы от горячего отказались, - заговорил он, увидев Дугина. – Я еще в столовой подумал, что вы проигнорируете мою заботу, побрезгуете...

Дугин дипломатично заметил:

- Извините, но после смерти Алексея Ивановича мне как-то не до котлет...

- Тогда, если вы не против, я доем... Чего добру пропадать...

- Да-да, конечно, - согласился Дугин и отправился на «поминки».

Накрытому Сергеем столу, позавидовало бы любое городское кафе. Бутерброды с сыром, тонко порезанная буженина, сырокопченая колбаса - и все это пиршество щедро сдобрено зеленью – пучками петрушки, укропа, зеленого лука.

- Присаживайтесь на кровать, - дежурно откупоривая флакон, бросил Сергей. – Сейчас Галка подгробет, и помянем.

Дугин взял бутылочку, прочитал на этикетке: «Этиловый спирт. Раствор для наружного применения и приготовления лекарственных форм. 70 процентов. 100 мл».

- Мало будет – Галчонок еще принесет.

Как бабочка-капустница в белом халате впорхнула старшая медсестра. Высокая, складная – такой бы в кино сниматься, а не в больнице таблетками командовать. Сергей встал:

- Алексей Иванович Бессонов был птицей высокого полета, - заговорил он. Инструктор, заведующий промышленно-транспортным отделом горкома КПСС, заместитель председателя горисполкома. А с виду скромный пенсионер. Земля ему пухом!

Дугин опрокинул стопку и налег на закуску.

- Надежда Дмитриевна говорит, у него тромб в сосудах оторвался, - уплетая бутерброд с сыром, вставила Галина.

Еще налили - еще выпили. Семидесятиградусный спирт обжигал пищевод и растекался по всему организму. Дугин ощутил первую волну опьянения. Все-таки целый день в бегах, без еды. Но зато хорошо-то как! А еще будет вторая волна, и третья. Тянуло на откровенность, хотелось поговорить – а как же без разговоров – без разговоров у нас никак. Жаль, что не позволяла больничная обстановка. Сергей включил видак – на экране замелькали какие-то полуголые девицы. Галина принесла еще спирта. Выпили. На этот раз совсем легко, словно воду. Но спирт есть спирт! И вскоре Сергей с медсестрой слились то ли в медленном танце, то ли в затяжном поцелуе. Дугин собрался тихо по-английски слинять, но Сергей остановил:

- Хороший ты, Колян, мужик! Перебирайся завтра в мою палату, с Надеждой Дмитриевной я договарюсь. А сегодня – он тыкался губами Дугину в ухо и заговорщически шептал, - сегодня, извини, не могу, сегодня у меня Галчонок, сам понимаешь... Утром, если хочешь, я поговорю с заведующей отделением...

ХIII

Но на следующий день Дугина выписали.

Во время врачебного обхода Надежда Дмитриевна померила давление и со свойственным ей юморком заметила: «Вам, Николай Павлович, надо в космос собираться, а не больничной койке валяться! Так и скажите своему приятелю из шестой палаты, что я вас выписываю. А то он уже с утра за вас ходатайствует, скучно одному».

Дугин стал собираться. Хотел сразу Кате позвонить, обрадовать, а потом махнул рукой. Жена все равно на работе, а пустой разговор - напрасная трата денег. Зашел с Сергеем попрощаться, а того уж и след простыл. А на койке Алексея Ивановича поверх одеяла прямо в пижаме посапывает мужчина лет шестидесяти, тоже, наверное, какая-нибудь «шишка» районного масштаба. Дугин пожелал своим соседям выздоровления, получил больничный лист и скорей на улицу.

Январское солнце и снежная белизна слепили глаза, утренний морозец щипал щеки, но было совсем не холодно. Дугин стоял на автобусной остановке и рассуждал о вечном. Против судьбы не попрешь. И то, что в этот раз он как-то выкарабкался, выцарапался, выжил, совершенно не значит, что так будет всегда. Ведь чему быть, того не миновать.

С радостью чудом прозревшего слепца он жадно впитывал глазами безбрежную голубизну небес, искрящийся снег и убегающее за горизонт шоссе. И в одночасье, каким-то божьим промыслом ему вдруг открылась жизненная мудрость, доступная лишь древним философам и согбенным монастырским старцам - радуйся тому, что есть. Совсем как у Елизаветы Бем: «Не тужи по вчерашнему, жди завтрашнего!» И как малые дети учатся ходить, Дугин решил учиться радоваться жизни. Каждому новому дню, каждой минутке.

Подходя к своему разрисованному мальчишками подъезду, Дугин вспомнил об обитавшем под лестницей бомже со странным прозвищем – Сто грамм. Где он сейчас, не замерз ли, не отбросил ли коньки от паленой водки? Что-то вдруг озаботился он его судьбой. Но, как выяснилось, сердобольные бабушки-соседки обеспечили бомжа стареньким, еще хранящим тепло ватным одеялом и подкармливали, чем могли. Супом, вареной картошкой, макаронами. Что касается питья, то, судя по торчащим у подъезда флакончикам от настойки боярышника, подъездный жилец был не придиричивым и пил все, что горит. Ничего с ним не сделалось. А вот шестидесятилетний подполковник запаса Мирон Иванович Боткин, советовавший гнать его из подъезда в шею, приказал долго жить. Инсульт. В конце декабря с духовым оркестром и оружейным салютом его похоронили на Воинском кладбище.

Понасмотрелся Николай Павлович за три недели на своих соседей по терапевтическому отделению городской больницы и сделал вывод, что, и сам он от них не далеко ушел. Это Катьке можно лапшу на уши вешать об их семейном благополучии. Да Светка, начитавшись Грина, все еще верит, что за ней тоже прикатит какой-нибудь капитан Грэй на корабле с алыми парусами.

В жизни все гораздо проще. Люди по своей натуре вообще очень слабые и легко приспособляющиеся к окружающей действительности существа. Сегодня ты молод и счастлив, как арабский султан, входящий в гарем к молоденьким наложницам. А завтра стар и немощен, как замученный на галерах раб, тихо радующийся приходу нового дня.